

Редьярд Киплинг

На городской стене

*Часть сборника
Ворота ста печалей (сборник)*

Редьярд Киплинг
На городской стене

«Public Domain»

1888

УДК 821.111-32
ББК 84(4Вел)-44

Киплинг Р. Д.

На городской стене / Р. Д. Киплинг — «Public Domain», 1888

ISBN 978-5-699-91851-5

«...Вали-Дад имел обыкновение часами лежать в оконной нише, не сводя глаз с этого пейзажа. Это был молодой мусульманин, который жестоко пострадал от своего английского образования и сознавал это. Отец отдал его в одну миссионерскую школу поучиться премудрости, и Вали-Дад вкусил этой премудрости больше, чем отец его и миссионеры считали нужным. Когда отец его умер, Вали-Дад стал самостоятельным и провел два года, экспериментируя с различными религиями земли и читая никому не нужные книги. После неудачной попытки одновременно принять католичество и пресвитерианство (миссионеры разоблачили его и ославили, не понимая его душевной трагедии) он нашел на городской стене Лалан и стал самым верным из ее немногих поклонников. Голова у него была такая, что английские художники могли бы безумно увлечься ею и принялись бы рисовать ее на фоне немыслимой обстановки, а женщины-романистки могли бы с восторгом описывать его лицо на протяжении девятисот страниц. На самом деле он был всего-навсего чистокровный молодой мусульманин...»

УДК 821.111-32

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-91851-5

© Киплинг Р. Д., 1888

© Public Domain, 1888

Редьярд Киплинг

На городской стене

*И спустила она их на веревке через окно,
ибо дом ее был в городской стене и она
жила в стене.*

Книга Иисуса Навина, 1, 15.

Лалан – представительница самой древней в мире профессии. *Лилит* была ее прапрапрабабушкой, а это, как известно, было еще до дней Евы. На Западе люди оскорбительно отзываются о профессии Лалан, сочиняют о ней трактаты и раздают их молодым людям в целях сохранения нравственности. На Востоке, где профессия эта наследственная и переходит от матери к дочери, никто не пишет трактатов и не обращает на нее внимания, и это – явное доказательство того, что Восток не способен устраивать свои собственные дела.

Законным мужем Лалан, ибо на Востоке даже ее подруги по профессии тоже должны иметь мужей, было большое дерево – *ююба*. Ее мамаша, которая в свое время вышла замуж за фиговое дерево, истратила десять тысяч рупий на брак Лалан, совершенный сорока семью духовными лицами из мамашиного храма, и раздала пять тысяч рупий на бедных. Таков был обычай страны. Замужество с деревом – *ююбой* – дает очевидные преимущества. Нельзя задеть самолюбие такого мужа, и вид у него внушительный.

Муж Лалан стоял на равнине за городскими стенами, а сама Лалан жила на восточной стене, против реки. Если вы сорветесь с широкого подоконника, вы упадете с тридцатифутовой высоты прямо в городской ров. Но если останетесь стоять на месте и посмотрите вперед – увидите весь городской скот, бредущий на водопой, студентов Государственного колледжа, играющих в крикет, высокую траву и деревья, окаймляющие речной берег, большие песчаные отмели, бороздящие реку, красные гробницы умерших императоров за рекой и далеко-далеко мерцающий сквозь голубую дымку зноя блеск гималайских снегов.

Вали-Дад имел обыкновение часами лежать в оконной нише, не сводя глаз с этого пейзажа. Это был молодой мусульманин, который жестоко пострадал от своего английского образования и сознавал это. Отец отдал его в одну миссионерскую школу поучиться премудрости, и Вали-Дад вкусил этой премудрости больше, чем отец его и миссионеры считали нужным. Когда отец его умер, Вали-Дад стал самостоятельным и провел два года, экспериментируя с различными религиями земли и читая никому не нужные книги.

После неудачной попытки одновременно принять католичество и пресвитерианство (миссионеры разоблачили его и ослабили, не понимая его душевной трагедии) он нашел на городской стене Лалан и стал самым верным из ее немногих поклонников. Голова у него была такая, что английские художники могли бы безумно увлечься ею и принялись бы рисовать ее на фоне немыслимой обстановки, а женщины-романистки могли бы с восторгом описывать его лицо на протяжении девятисот страниц. На самом деле он был всего-навсего чистокровный молодой мусульманин; брови у него были словно вычерченные карандашом, ноздри тонкие, ноги и руки маленькие, а взгляд очень усталый. В двадцать два года он отрастил красивую черную бороду, которую с гордостью поглаживал и душил тонкими духами. Казалось, что в жизни у него только два дела: брать книги у меня и ухаживать за Лалан в оконной нише. Он сочинял про нее песни, и песни эти до сих пор поются в городе от улицы Торговцев Бараниной до квартала Медников.

В одной из этих песен, самой изящной, говорится о том, как прекрасна Лалан: она смутила сердца членов британского правительства, так что оно утратило душевное спокойствие. Так поется эта песня на улицах; но если повнимательнее в ней разобраться и узнать ключ к ее истолкованию, можно заметить в ней три каламбура – на слова «красота», «сердце» и «душев-

ное спокойствие», так что песню можно понять и так: «Благодаря хитроумию Лалан в государственном управлении произошел беспорядок, и это погубило такого-то и такого-то человека». Когда Вали-Дад поет эту песню, глаза его горят как угли, а Лалан откидывается на подушки и бросает в Вали-Дада пучками жасмина.

Но сначала нужно кое-что рассказать о Верховном Правительстве, которое стоит надо всем, подо всем и позади всего. Из Англии приезжают джентльмены, проводят в Индии несколько недель, ходят вокруг этого великого Сфинкса Равнин и пишут книги о его делах и обычаях, порицая его или расхваливая, смотря по тому, что внушает им их собственное невежество. В результате весь свет знает, как ведет себя Верховное Правительство. Но никто, даже само Верховное Правительство, ничего не знает об управлении империей. Из года в год Англия высылает свежие подкрепления на передовую линию огня, которая официально именуется Ведомством Индийской Гражданской Службы. Эти люди умирают, или кончают с собой от непосильной работы, или замучиваются до смерти, или теряют здоровье и надежду, стремясь уберечь страну от мора и болезней, от голода и войны, чтобы со временем она стала способной к самостоятельной жизни. Она никогда не будет самостоятельной, но идея красива, люди добровольно за нее умирают, и работа продолжается из года в год: страну толкают вперед, умащают, ругают и балуют, чтобы привести ее наконец к процветанию. Если замечается прогресс, заслуга приписывается туземцам, а англичане отступают назад, вытирая потные лбы. Если случается неудача, англичане выступают вперед и выслушивают порицания. Излишняя нежность такого рода породила среди многих туземцев твердую веру в то, что туземец сам способен управлять страной, и многие преданные делу англичане тоже этому верят, ибо данная теория выражается на прекрасном английском языке и продается с новейшими политическими приправами.

Есть и другие люди: они хоть и неученые, но видят сны и видения и тоже мечтают управлять страной на свой лад, то есть с приправой из красного соуса. Такие люди встречаются в среде двухсотмиллионного народа, и, если за ними не следить, они могут наделать хлопот и даже разбить огромного идола, именуемого Рах Britannica и обитающего, по словам газет, между Пешаваром и мысом Коморин. Если заря Судного Дня настанет завтра, вы увидите, как Верховное Правительство «принимает меры к успокоению общественного возбуждения» и ставит стражу на кладбищах, чтобы мертвецы выступили в боевом строю. Младший из гражданских чиновников под личную свою ответственность арестует Гавриила, если этот архангел не сможет представить выданного помощником комиссара удостоверения, согласно которому разрешается «производить музыку и прочие шумы», как пишется в таких документах.

Отсюда легко понять, что обыкновенным смертным плохо придется от Верховного Правительства, если они вздумают заварить кашу. Так оно и бывает. Не наблюдается никаких внешних признаков тревоги, никакого смущения, никакой осведомленности о происходящем. Когда же необходимые и достаточные улики представлены, взвешены и приняты во внимание, механизм приходит в движение, а мечтатель и духовидец отрывается от своих друзей и последователей. Он пользуется гостеприимством правительства, передвижение его, в известных пределах, не ограничено, но он уже больше не может общаться со своими братьями, мечтателями. Раз в шесть месяцев Верховное Правительство убеждается, что ему хорошо живется, и официально удостоверяет его существование. Никто не заявляет протеста против его заключения, ибо немногие люди, которые знают о нем, смертельно боятся показать, что они с ним знакомы, и никогда ни одна газета не «берется за его защиту» и не устраивает демонстраций в его честь, ибо индийские газеты не верят лживой пословице, гласящей, что «Перо сильнее Меча», и умеют вести себя деликатно и осмотрительно.

Итак, теперь вы знаете все, что вам нужно знать о Вали-Даде, азиатско-европейском образовании и Верховном Правительстве.

Описание Лалан еще не было дано. Для этого, по словам Вали-Дада, требуется тысяча золотых перьев и чернила, надушенные мускусом. Ее уже сравнивали с разнообразными предметами: с луной, озером Диль-Сагар, пятнистой перепелкой, газелью, солнцем над пустыней Кач, зарей, звездами и молодым бамбуком. Все эти сравнения стремятся выразить, что она необычайно прекрасна по туземным понятиям, которые мало чем отличаются от западных. Глаза у нее черные, и волосы черные, и брови черные, как пиявки; рот у нее крошечный и говорит остроумные вещи; руки у нее крошечные и скопили много денег; ноги у нее крошечные и попирали множество обнаженных мужских сердец. Но, как поет Вали-Дад, «Лалан – это Лалан, и когда вы произнесли это, вы подошли только к преддверию знания».

Маленький домик на городской стене едва вмещал в себя Лалан, ее служанку и кошку в серебряном ошейнике. Большая розовая с синим люстра из граненого стекла свешивалась с потолка приемной комнаты. Какой-то мелкий *наваб* подарил Лалан эту дрянь, а Лалан держала ее у себя из вежливости. Пол в комнате был из полированного *чунама*, белого как творог. В одной из стен было окно с решеткой из резного дерева, повсюду лежали мягкие, пухлые подушки и толстые ковры, а серебряная, выложенная бирюзой *хукка*, которую курила Лалан, стояла на отдельном коврике, всецело предоставленном ее блистательной особе. Вали-Дад служил здесь почти таким же незыблемым предметом домашней обстановки, как и люстра. Как я уже говорил, он лежал в оконной нише и размышлял о жизни, о смерти и о Лалан, особенно о Лалан. Стопы молодых горожан стремились к ее порогу и потом... удалялись, ибо Лалан была разборчивая девушка, не болтливая, замкнутая и ничуть не склонная к оргиям, которые почти всегда кончаются дракой.

– Если я ничего не стою, я недостойна такой чести, – говорила Лалан, – если же я кое-чего стою, они недостойны меня. – Это было хитроумное изречение.

В долгие жаркие ночи конца апреля и мая весь город, казалось, сходил курить и беседовать в маленькой белой комнате Лалан. Шииты самого мрачного и непримиримого толка; суфи, потерявшие всякую веру в пророка и сохранившие лишь очень слабую веру в бога; странствующие индуистские жрецы, зашедшие сюда по пути на юг в Центральную Индию, куда они ехали на ярмарки и по другим делам; *пандиты* в черных одеждах, с очками на носу и непереваренной мудростью внутри; бородатые старшины кварталов; сикхи, передающие все подробности последнего церковного скандала в Золотом Храме; красноглазые жрецы из-за Границы, похожие на затравленных волков и каркающие как вороны; магистры искусств с университетскими дипломами, очень напыщенные и очень словоохотливые, – все эти люди и многие другие встречались в белой комнате.

Вали-Дад лежал в оконной нише, прислушиваясь к беседе.

– Это – салон Лалан, – сказал мне Вали-Дад, – и он эклектичен – так, кажется, надо сказать? Нигде, кроме как в масонской ложе, я не видел таких сборищ. А там я как-то обедал с одним евреем – с одним яхуди. – Он плюнул в городской ров, извиняясь, что позволил национальным чувствам взять над собою верх. – Хоть я и потерял всякую веру на свете, – сказал он, – и стараюсь гордиться этой потерей, все же я не могу не чувствовать ненависти к евреям. Лалан не пускает сюда евреев.

– Но что же, собственно, делают все эти люди? – спросил я.

– Проклятие нашей родины! – промолвил Вали-Дад. – Они разговаривают. Подобно афинянам, вечно слушают и рассказывают какие-нибудь новости. Спросите Жемчужину, и она покажет вам, как много она знает городских и провинциальных новостей. Лалан знает все.

– Лалан, – молвил я наудачу (она разговаривала с джентльменом курдского толка, явившимся бог знает откуда), – когда пойдет 175-й полк в Агру?

– Он туда вовсе не пойдет, – ответила Лалан, не поворачивая головы. – Вместо него приказано выступить 118-му. А тот полк пойдет через три месяца в Лакхнау, если только не получит нового приказа.

– Это верно, – произнес Вали-Дад без тени сомнения. – Сумеете вы узнать больше со всеми вашими телеграммами и газетами?.. Вечно слушают и рассказывают какие-нибудь новости, – продолжал он. – Друг мой, поражал ли ваш бог какую-либо европейскую нацию за болтовню на базарах? Индия болтала целыми веками напролет, вечно торча на базарах, пока не приходили солдаты. Потому-то... вы сегодня здесь, вместо того чтобы помирать с голоду у себя на родине, а я – уже не мусульманин... Я продукт... продукт проклятия. И еще одним я обязан вам и вашим присным: не могу закончить ни одной фразы без того, чтобы не привести цитаты из ваших авторов. – Он затянулся дымом *хукки*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.